

ТАЙНЫ МОРСКИХ АВАРИЙ
И КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ

Владимир Шигин

КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ
ТИХОГО ОКЕАНА

ГОРИЗОНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2015

Владимир Шигин

Кораблекрушения Тихого океана

«Горизонт»

2015

Шигин В. В.

Кораблекрушения Тихого океана / В. В. Шигин — «Горизонт»,
2015 — (Тайна морских аварий и кораблекрушений)

ISBN 978-5-457-91353-0

Кораблекрушения эпохи русского парусного флота на Тихом океане до сегодняшнего дня малоизвестны не только в силу отдаленности мест, где происходили те давние трагедии, но и в силу того, что большинство документов тех событий навсегда затерялось во времени и пространстве. А потому сегодня мы заново открываем драматические и трагические события, происходившие на восточных берегах Российской империи сто пятьдесят и двести лет назад. Приключение среди американских индейцев команды судна "Святой Николай" и подробности последнего плавания легендарного шлюпа "Нева", трагедия фрегата "Диана" в японских водах и тайна гибели команды тендера "Камчадал", "Кораблекрушения Тихого океана. Неизвестные катастрофы 18–19 веков" в серии "Тайна морских аварий и кораблекрушений".

ISBN 978-5-457-91353-0

© Шигин В. В., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Шигин

Кораблекрушения Тихого океана. известные катастрофы XVIII–XIX веков

Глава первая Трагедия «Святого Николая»

Об этой давней трагедии и сегодня практически ничего неизвестно, так как ее история не вошла даже в «Летопись крушений и пожаров судов Русского флота 1713–1753 гг.» Описание ее было совершенно случайно получено в 1810 году известным отечественным мореплавателем В.М.Головниным от правителя Русской Америки А.А.Баранова. Рассказ о крушении судна «Святой Николай» под командой штурмана Булыгина около северо-западного берега Аляски у Пагубного острова был записан Головниным со слов приказчика Тимофея Тараканова. Головнин дает ему характеристику, как мужику смышленому и прямому, но малограмотному.

Вне всяких сомнений, история злоключений приказчика Тараканова и его товарищей могла бы стать сюжетом не одного приключенческого романа и кинофильма! Мы приводим описание крушения судна «Святой Николай» и одиссею его команды в том виде, как оно было изложено автором.

«Компанейский бриг «Святой Николай», на коем я находился в звании суперкарга (ответственный за перевозимый груз – В.Ш.), состоял под начальством флотского штурмана (офицерского чина) Булыгина и был назначен с особыми поручениями от главного правителя колоний к берегам Нового Альбиона (район нынешнего Сан-Франциско – В.Ш.). 29 сентября 1808 года отправились мы в путь, а около 10 октября подошли к мысу Жуан-де-Фука, лежавшему в широте 48°22' (западное побережье современной Канады – В.Ш.). Тут безветрие продержало нас четверо суток; потом повеял легкий западный ветерок, с которым шли мы поблизости берегов к югу, и описывая оные, клали на карту и делали на них наши замечания. На ночь, обыкновенно, мы от берега несколько удалялись, а днем подходили к нему весьма близко, и в это время приезжало к нам много жителей на своих лодках, так что иногда число лодок у борта простиралось до нескольких десятков или даже до ста. Впрочем, они были не очень велики: редкие могли вместить человек десять, а в большей части находились по три по четыре человека. Со всем тем, однако, мы остерегались и никак не впускали на бриг в одно время не более трех человек. Эта предосторожность казалась нам тем нужнее, что жители были вооружены. Многие из них имели даже ружья, а у других были стрелы, сделанные из оленьего рога, железные копья без древков и костяные рогатины...

Жители привозили к нам на продажу морских бобров, оленьи кожи и рыбу. За большого палтуса я им платил по нитке в четверть аршина голубых корольков (бусы) по пяти и по шести вершков такого же бисера; но за бобров не только корольков или бисера не хотели они брать, но даже отвергали с презрением китайку (хлопчатобумажная ткань) и разные железные инструменты, а требовали сукна, какое видели на камзолах наших промышленных; но как мы его не имели, то и торговля наша не состоялась.

Тихие ветры и благоприятная погода продолжались несколько дней, наконец, не припомню которого числа, около полуночи стал дуть ровный ветер, который к рассвету усилился до степени бури. Начальник брига приказал закрепить все паруса, кроме совсем зарифленного грота, под которым мы лежали в дрейфе. Буря с одинаковой силой свирепствовала трое суток. Потом перед рассветом вдруг утихла и наступила тишина. Зыбь была чрезвычайная,

а туман покрыл нас совершенно. Вскоре по восхождении солнца, туман исчез и показался нам берег не далее 3 миль от нас. Мы бросили лот: глубина 15 сажен. Тишина не позволяла удалиться от опасности под парусами, а зыбь мешала употребить буксир или весла. Она же прижимала нас ближе и ближе к берегу, к которому, наконец, подвинула нас так близко, что мы простыми глазами весьма явственно могли видеть птиц, сидевших на камнях. Мы в это время находились, по нашему счислению, против бухты, именуемой жителями Клоукот, южный мыс коей лежит в широте 49° и нескольких минут. Американские корабли в тихие ветры часто заходят в эту бухту, но в бурю или при большом волнении такое покушение было бы сопряжено с крайней опасностью. Гибель брига казалась нам неизбежной и мы ежеминутно ожидали смерти, доколе божьим милосердием не повеял северо-ападный ветер, пособивший нам удалиться от берегов. Но ветер сей, благоприятствовав нам шесть часов, превратился в ужасную бурю и заставил лечь в дрейф, убрав все паруса. После того, как буря укротилась, ветры дули с разных сторон и с разной силой, а мы, пользуясь оными, подавались к югу.

29 октября при умеренном западном ветре, приблизились мы к берегу, и зашли на остров Дистракшн, лежащий в $47^{\circ}33'$, обойдя по южную его сторону. Но, к несчастью нашему, за островом не было удобного якорного места, и мы нашлись принужденными опять выйти в море. Едва мы успели удалиться от берега мили три, вдруг сделалось тихо, и во всю ночь не было никакого ветра, отчего зыбью налил нас к берегу; а 31-го в 2 часа пополудни протащило мимо вышеупомянутого острова...

Командир брига штурман Бульгин, не зная, что предпринять, прибегнул к общему совету, вследствие коего стали мы держать мимо камней к самому берегу с намерением зайти за оные и, пройдя их, очутились в середине подводных и скрытых под водою рифов; тогда командир приказал положить якорь, а вскоре и другой, но они не могли задержать судна, которое беспрестанно дрейфуя, приближалось к берегу. Когда брошены были два якоря, оно остановилось, однако не надолго, ибо вечером, когда стемнело, подорвало у нас два перетертых о камень каната, а около полуночи с третьим случилось то же, и вскоре потом поднялся свежий ветер от зюйд-оста, которым подорвало последний канат. Теперь нам не оставалось другого средства спасти бриг и себя, как отважиться на выход в море между камнями. Тем путем, которым мы вошли, ветер не позволял идти, и так мы пустились, как говорится, куда глаза глядят, и, к общему нашему удивлению, не взирая на чрезвычайную темноту, прошли столь узким проходом, что, наверное, ни один мореплаватель и днем не осмелился бы идти оным. Но лишь успели миновать опасность, как переломился у нас фокарей. Положение наше не позволяло убрать паруса для починки рея, и мы принуждены были нести оный доколе было можно.

На рассвете ветер перешел прямо на берег. Фока-рея исправить мы не могли и запасного не имели, а без фока не было никакой возможности отлавировать от берега, к которому нас приближало весьма скоро, и, наконец, в 10-м часу утра 1 ноября бросило валом в буруны, а потом на берег в широте 47 градусов 56 минут.

Итак, участь брига решилась; надлежало помышлять о нашей собственной. Мало того, что мы сами могли спастись, нам должно было также спасти оружие, без которого не имели мы никаких средств сохранить свободу, а сделавшись пленными, должны были влачить в рабстве у диких жизнь, стократ ужаснейшую самой смерти.

Судно наше валило бурунами с боку на бок страшным образом и оно в полтрюма наполнилось уже водой, мы с оружием в руках выжидали время: когда находил большой вал, удар в судно и, рассыпавшись, опять сливался с берегов, тогда мы бросались с борта и выбегали на берег за пределы воды; там принимали от своих товарищей, оставшихся на бриге, ружья и амуницию. К великому нашему счастью, случилось, что мы стали на мель

при отливе и на мягком грунте, ибо хотя все члены судна расшатались и оно наполнилось водой, но уцелело и по сбытии воды осталось на суше.

Мы тотчас сняли с него пушки, порох и разные другие, нужные нам вещи; потом перечистили огнестрельное оружие и приготовили заряды, чтоб быть в состоянии отразить нападение диких, которых мы имели причину теперь страшиться более всего на свете. Наконец, поставили из парусов две палатки в расстоянии сажен семи одна от другой; меньшую из них Николай Исакович Булыгин и я назначили для себя. Сделав все это, развели большой огонь, обогрелись и обсушились.

Едва успели мы кончить эти первые наши занятия, как появилось множество здешних жителей, которые, усмотрев нас, тотчас к нам приблизились. Между тем штурман, взяв с собой четырех промышленников, отправился на бриг с намерением спустить стеньги и реи и снять с него верхнюю оснастку, чтоб при большой волне менее его валяло. В предосторожность они взяли с собой горящий фитиль, ибо на судне оставалось еще несколько пушек. Сам командир, стоя подле брига, распорядился работами, а мне приказал наблюдать за действиями и поступками диких. Около нашей ставки (табора) в приличных местах поставили мы караул и часовых.

В нашей палатке сидела супруга Булыгина, Анна Петровна, один кадьякский алеут, женщина того же народа и двое из здешних жителей, вошедших к нам без приглашения. Один из них, молодой человек, называвший себя тоёном (т. е. старшиною), приглашал меня посмотреть на его жилище; отстоявшее недалеко от нас. Я согласился было с ним идти, но товарищи мои, подозревая со стороны диких вероломство, меня удержали. Я старался всеми способами внушить сему старшине миролюбие и уговаривал его нас не обижать и не выводить из терпения. Он обещался поступать с нами по дружески и вселить то же расположение к нам у своих единоземцев. Между тем два раза уже приходили мне сказывать, что колюжи (колоши – жители Аляски и Северной Канады – В.Ш.) растаскивают наши вещи. Я уговаривал своих людей сколько возможно стараться не начинать ссоры: «Снесите, братцы, – говорил я им, – поелику можно, а старайтесь как-нибудь отжить их от табора без ссоры!» В то же время представлял я тоёну о неблагонамеренных поступках его подчиненных и просил его приказать им оставить нас в покое; но как мы не очень хорошо понимали друг друга, то разговоры наши были весьма продолжительными, и пока я с ним рассуждал и вел переговоры, а там уже дело дошло и до расправы.

Наши стали гнать диких прочь от табора, а они начали в них бросать камнями. Анна Петровна первая увидела это и сказала мне: «В наших бросают камнями!» В то же время промышленные открыли огонь по колюжам. Я бросился из палатки, но меня встретили копьем и ранили в грудь. Воротясь, схватил я ружье и выбежал, увидел ранившего меня дикого. Он стоял за палаткой и держал в левой руке копье, а в правой камень, который так сильно бросил мне в голову, что я не мог на ногах устоять и присел на колоду; но, выстрелив, поверг врага моего мертвого на землю. Вскоре после этого дикие ударились в бегство; при сем случае успели они и командира нашего ранить копьем в спину, а камнем в ухо. Впрочем, кроме четверых, бывших на судне, все до одного человека потерпели от камней более или менее. Из неприятелей же убито было трое, коих одного они утащили, а сколько раненых – не знаю. В добычу нам досталось много оставленных на месте сражения копий, плащей, шляп, и прочего.

На ночь одна смена заняла кругом табора караул, а прочие, собравшись в палатку, оплакивали горькую свою участь. Поутру ходили мы осматривать окружность и выбирали место, где можно было бы нам расположиться зимовать и обезопасить себя укреплениями. Но нашли, что берег здесь имел самое неблагоприятное намерение нашему положению и свойство: он был покрыт дремучим лесом и столь низок, что большими водами его заливало. Начальник, собрав всех нас, открыл нам свое намерение следующей речью: «Господа! По

предписаниям, данным мне от главного правителя колоний, я знаю, что в непродолжительном времени должен придти к здешним берегам компанейский корабль “Кадьяк” и именно в гавань, отстоящую не далее шестидесяти пяти миль от места, где мы теперь находимся. Между сими двумя местами на карте не означено ни бухт, ни заливов и ни одной реки, а потому мы весьма скоро можем достигнуть помянутой гавани. Вы сами видите, что здесь, не подвергая себя очевидной и почти верной гибели, нам оставаться нет никакой возможности: дикие весьма легко могут истребить всех нас. Если же мы немедленно тронемся с места, то они останутся здесь грабить судно и делить поживу и, верно, за нами не погонятся, потому что не будут иметь в том никакой нужды!” На это мы единогласно отвечали: “В воле вашей, мы из повиновения не выходим!»

Итак, взяв с собою на каждого человека по два ружья и по одному пистолету, все патроны в сумках, три бочонка пороху и небольшое количество припасов, выступили мы в поход. Что принадлежит до оставшегося, то пушки мы заклепали, у ружей и пистолетов переломав замки, побросали их в воду; порох, копья, топоры и все железные вещи также бросили в море;

Поход наш: начался переездом через реку на своем ялике; потом прошли мы лесом три мили и вечером за темнотою расположились ночевать; ночь провели очень спокойно под охранением четырех часовых.

Поутру вышли мы из леса на морской берег, отдохнули и, перечистив оружие, пошли далее. Часу во втором пополудни догнали нас двое диких; один из них был тот, который видел нас в палатке при начале ссоры. На вопрос, что им надобно, отвечали они, что пришли нарочно показать нам дорогу; ибо, идучи берегом, мы встретим много излучин и непроходимых утесов, но лесом есть хорошая, прямая дорога, которую, они нам покажут и советовали идти по ней, а сами хотели удалиться. Тогда я просил их подождать и посмотреть действие нашего оружия. Потом, сделав на доске кружок, выстрелил в нее из винтовки в расстоянии сажен тридцати, попал в цель и пробил доску. Сим способом я желал им показать опасность, какой подвергнутся, если вздумают нападать на нас. Дикие, посмотрев пробоину и измерив расстояние, оставили нас, а мы пошли далее своим путем и расположились ночевать в лесу под утесом, где случайно попала нам на глаза пещера.

Ночью свирепствовала жестокая буря с дождем и снегом; поутру ветер утих, но дурная погода продолжалась и заставила нас передневать в пещере. В течение дня падали с утеса подле нас камни; сначала мы никак не могли постигнуть сему причины; но после узнали, что неприятели наши, дикие, скатывали их на нас. Мы видели, как из них три человека пробежали мимо нас вперед по тому пути, по которому нам, идти надлежало.

Следующим утром, при весьма хорошей погоде, отправились мы в дорогу и около полудня достигли небольшой, довольно глубокой речки, вдоль коей вверх была пробита тропинка, по которой пошли мы в надежде сыскать брод, и вечером подошли к одному большому шалашу. В нем не было ни одного человека и висело много вяленой рыбы кижуч. Подле разведен был огонь, а в реке против шалаша находился для рыбной ловли закол. Мы взяли тут двадцать пять сушеных рыб и повесили на дверях три нитки бисеру и несколько корольков, зная, что вещи эти у здешних диких в большом уважении. Учинив таким образом заочную за рыбу плату, отошли мы от шалаша в лес сажен на сто и расположились ночевать.

Когда поутру мы готовы были выступить, тогда увидели, что нас окружили дикие, вооруженные копьями, рогатинами и стрелами. Я пошел вперед и, не желая никого из них убить, ни ранить, выстрелил из ружья вверх. Гром выстрела и свист пули произвели желанное действие, колюжи, рассеявшись, спрятались между деревьями, а мы пошли в путь. Боже мой! Кто поверит, чтоб на лице земли мог существовать такой лютый, варварский народ, как тот, между которым мы теперь находились! Невзирая на то, что, кроме небольшого числа оружия, мы оставили сим диким наше судно со всем грузом; они ограбили его и сожгли и,

не быв еще сим довольны, преследовали нас, чтоб лишить жизни, которая для них не могла быть ни вредна, ни опасна; казалось, что они завидовали самому нашему существованию.

Таким образом, до 7 ноября мы, можно сказать, отступали от диких, которые, преследовали нас, выжидали благоприятного случая сделать на нас решительное нападение; между тем временно производили над нами поиски. Но поутру сего числа встретили мы трех мужчин и одну женщину, которые, снабдив нас вяленой рыбой, начали поносить то племя, от которого мы столько потерпели, и хвалить свое собственное. Люди сии последовали за нами. Мы все вместе, уже поздно вечером пришли к устью небольшой реки, на другой стороне коей находилось их жилище, состоявшее из шести больших хижин. Мы просили у них лодок для переправы на реку; а они советовали нам, что надо ждать прилива, говоря, что в малую воду переезжать через реку неудобно и что с прибылою водой они перевезут нас ночью. Но мы в темноте ехать с ними не согласились, а потому, отойдя назад около версты, переночевали.

Рано поутру, возвратясь к устью реки, требовали мы перевоза. Диких тогда сидело подле своих хижин около двухсот человек, они не отвечали нам ни слова. Подождав несколько минут, пошли мы вверх по реке, сыскать удобное место для переправы. Колюжи, увидев наше намерение, тот час отправили к нам лодку с двумя нагими гребцами. Лодка эта могла поднять человек десять, а потому просили мы их прислать другую, чтоб нам всем можно было переехать вдруг.

Дикие исполнили наше желание – прислали другую лодку, но такую, в которую никак не могло поместиться более четырех человек; в ней приехала та самая женщина, которая вместе с тремя мужчинами встретила нас на дороге. В ее лодку сели г-жа Бульгина, одна кадьякская островитянка, малолетний ученик Котельников и один алеут, а в большую поместились девять человек самых отважных и проворных промышленников; все же прочие остались на берегу.

Когда большая лодка достигла середины реки, бывшие в ней дикие, выдернув пробки, на дне ее воткнутые в нарочно сделанные дыры, бросились в воду и поплыли к берегу, а лодку понесло мимо хижин, откуда колюжи, закричав страшным образом, начали бросать в наших копья и стрелы. К счастью, скоро подхватило ее отраженное течение и принесло к берегу на нашу сторону, прежде нежели успела она наполниться водой и потонуть. Таким образом, по благодати божьей, спаслись они чудесным образом, однако, все были переранены и двое весьма опасно. Находившиеся же в малой лодке взяты были а плен. Дикие, заключив, что бывшие в лодке ружья должны быть подмочены и к действию не годятся, немедленно переехали на нашу сторону, будучи вооружены копьями, стрелами и даже ружьями. Мы же, видя умысел, укрепились наскоро, как могли. Дикие, став в строй от занятого нами места в расстоянии около сорока сажен, начали бросать в нас стрелы и один раз сделали ружейный выстрел. Мы имели еще несколько сухих ружей, которыми отражали неприятеля в продолжение около часа, и не прежде обратили его в бегство, как переранив многих из его ратников и положив двоих на месте. С нашей стороны один Собачников был смертельно ранен стрелой, которой обломок остался в животе. Он никак не в силах был идти с нами, а мы ни под каким видом не хотели его оставить на жертву варварам и потому понесли с собою на руках.

Когда мы прошли с версту от места сражения, раненый наш товарищ, чувствуя нестерпимую боль и скорое приближение смерти, просил нас оставить его умереть в тишине лесов и советовал, чтоб мы старались скорее удалиться от диких, которые, конечно, соберут новые силы и будут нас преследовать. Простившись с несчастным нашим другом и оплакав горькую его участь, мы оставили его уже при последних минутах жизни и пошли в путь, а для ночлега избрали удобное место в горах, покрытых лесом.

Опасность, в коей мы находились в продолжение дня, страх и беспрестанная забота о сохранении своей жизни не оставляли нам времени на размышления. Но теперь ночью, на досуге, первая мысль наша обратилась на чрезвычайное многолюдство диких. Мы не могли

понять, как помещалось более двухсот человек в шести хижинах. После мы уже узнали, что они с разных мест собрались нарочно для нападения на нас: более пятидесяти человек в числе их находилось из того народа, который нападал на нас при кораблекрушении и многие даже были с мыса Гревилля (мыс на западном побережье США – В.Ш.) Гибельное наше положение приводило нас в ужас и отчаяние, но более всех страдал несчастный командир наш: лишившись супруги, которую он любил более самого себя, и не зная ничего о ее участи в руках варваров, Булыгин мучился жестоким образом; нельзя было на него было смотреть без крайнего сожаления и слез.

9, 10 и 11-го числа шел проливной дождь. Не зная сами, куда шли, мы бродили по лесу и по горам, стараясь только укрыться от диких, которых мы страшились встретить в такую ненастную погоду, когда ружья наши были бы бесполезны. Голод изнурил нас совершенно; мы не находили грибов, ни других диких произведений и принуждены были питаться древесными губками (наростами), подошвами от торбасов (сапог), кишечными и горловыми камлеями (рубахи промысловиков из медвежьих кишок о горл сивучей) и лахтачными (из кожи сивуча) чехлами с ружей. Наконец и этого запаса не стало. Тогда мы решились подойти опять к прежней реке, на берегу коей увидели две хижины; но как погода тогда была чрезвычайно мокрая, то мы, опасаясь встретить тут большое число диких, отошли от берега в лес верст на пять поставили шалаш и ночевали. 12-го числа мы не имели уже ни куска пищи, а потому начальник наш послал отряд в лес собирать по деревьям губки; Но можно ли было сим способом насытить шестнадцать человек! Мы решились заколоть постоянного нашего друга, незаменимого стража, верную собаку, и мясо разделили на всех поровну.

В это злополучное время Булыгии, собрав нас, со слезами на глазах сказал: «Братцы! Мне в таких бедствиях прежде быть не случалось и теперь почти ума лишаясь и управлять вами более не в силах; я теперь препоручаю Тарakanову, чтоб он управлял всеми вами, и сам из послушания его выходить не буду; сверх того, если вам не угодно, выбирайте из своих товарищей кого хотите!» Однако, все единодушно явили свое согласие на предложение Николая Исаковича. Тогда он, написав карандашом о возведении меня на степень начальника бумагу, сам первый ее скрепил своей рукой, а ему последовали и все другие, кто умел писать.

13 ноября шел сильный дождь, заставивший нас целый день пробыть на месте; мы съели остаток собачьего мяса и, не имея более пищи, согласились на другой день напасть на две виденные нами хижины.

14-го числа погода нам, благоприятствовала: день был ясный.

Подкравшись к хижинам и окружив оные, мы закричали, чтоб все находившиеся в них вышли вон, но нашли только одного пленного мальчишку, лет тринадцати, который знаками показал нам, что люди все, испугавшись ваших следов, переправились за реку. Взяв здесь на каждого из нас по двадцать пять рыб в связках, пошли мы на прежний свой стан. Но едва успели отойти с версту от хижины, как увидели бегущего за нами дикого, который кричал что-то для нас непонятное. Боясь, чтоб он не открыл места нашего убежища, мы прицелились в него ружьями и тем самым заставили от нас удалиться.

На пути нашем в овраге находилась речка, у которой, товарищи мои с моего согласия расположились отдыхать и завтракать; а я с промышленником Овчинниковым и одним алеутом в это время вздумал подняться на близлежащую гору, чтоб осмотреть окружные места. Овчинников поднялся первый и лишь ступил на самую вершину горы, как я увидел, что он был поражен стрелой в спину. Я тотчас закричал следовавшему за ним алеуту выдернуть у него из спины стрелу, но в самую эту минуту и его ранили. Тогда я, оборотясь, увидел на горе против нас за речкой, множество колюжей, а сверх того человек двадцать бежавших, чтоб отрезать нас троих от наших товарищей. Между тем стрелы сыпались на нас, как град. Я тотчас выстрелил по ним из винтовки и ранил одного в ногу. Тогда дикие, подхватили его на плечи, ударились бежать; а мы, соединясь со своими товарищами, достигли благополучно

ночлега, где, осмотрев раненых, нашли, что раны их были не опасны. На сем месте для восстановления сил своих пищей и для отдохновения раненых пробыли мы двое суток.

Здесь мы изобрели и утвердили новый план нашим действиям. Время года не позволяло нам уже достичь гавани, чтоб встретить там ожидаемое судно, ибо неизвестно, когда мы будем в состоянии переправиться через реку. И для того мы решились идти вверх по ней, доколе не встретим озера, из коего она вытекает, или на ней самой удобного для рыбной ловли места, где, укрепясь, зимовать, а весной уже действовать, смотря по обстоятельствам. После сего, достигнув реки, шли мы беспрестанно вверх по ней, а удалялись в горы тогда только, когда встречали непроходимую чащу или утесы, но вскоре опять выходили к ее берегам. Ненастные погоды, почти беспрерывно продолжавшиеся, много препятствовали успеху нашего путешествия. Мы подавались вперед весьма медленно. К счастью, нередко попадались жители, ездившие по реке на лодках, некоторые из них, по приглашению нашему, приставляли к берегу и продавали нам рыбу за бисер, пуговицы и другие мелочи.

В несколько дней прошли мы довольно большое расстояние по излучинам реки, но взяв оное по прямой черте, не более как верст двадцать. Наконец, очутились подле самых дверей двух хижин. Мы спросили продажной рыбы и получили весьма малое количество. Жители отзывались, что более не имеют, и этот недостаток приписывали, большой воде, покрывшей заколы, через кои рыба уходит. Крайность заставила нас прибегнуть к насильственным мерам, которые, впрочем, совесть наша совершенно оправдывала: жители довели нас до последней степени человеческого злополучия, следовательно мы имели полное право не только силой взять необходимое для нашего существования от их единоземцев, но даже и мстить им, а потому с нашей стороны и то может почесться уже великодушием, что мы не хотели сделать им никакого вреда. Итак, грозным, повелительным голосом приказали мы обитателям хижин немедленно вынести к нам всю рыбу, у них бывшую. Требование наше тотчас было исполнено, и мы взяли на каждого из нас рыбы по связке в подъем человека, да два мешка, сделанные из тюленьих кож, с икрой. За все это заплатили диким бисером и корольками, и, как казалось, к совершенному их удовольствию. Потом, выпросив у них двух человек подсобить нам донести запас до первого ночлега, мы пошли в путь и, отойдя версты две, расположились ночевать. Диким за труды дали мы по бумажному платку и отпустили их.

На другой день поутру прибыли в нашу ставку двое колюжей и смело вошли в шалаш: один из них был хозяин хижины, где мы взяли рыбу, а другой незнакомый. Они несли на продажу пузырь китового жира. Потолковав с нами кое о чем, незнакомый спросил у нас, не хотим ли мы выкупить у его соотечественников нашу женщину Анну, разумея под сим именем госпожу Булыгину. Предложение это всех нас удивило и обрадовало, а Булыгин, услышав эти слова, вне себя был от радости. Мы тотчас открыли переговоры о выкупе. Булыгин предложил последнюю шинель за свою супругу; к шинели я прибавил свой новый китайчатый халат.

Все прочие наши товарищи, не исключая даже алеутов, также каждый прибавлял что-нибудь: кто камзол, а кто шаровары, наконец, из сих вещей составила порядочная груда; но дикий уверял, что землякам его этого мало, и требовал в прибавок четырех ружей. Мы ему не отказали, но объявили, что прежде заключения условия хотим видеть Анну Петровну.

Дикий обещал доставить нам это удовольствие и тотчас отправился. Вскоре соотечественники его привели ее на другой берег реки, прямо против нас. Мы просили привезти на нашу сторону. Тогда они, посадив ее в лодку с двумя человеками и подвезя к нашему берегу на расстояние сажен пятнадцати или двадцати, остановились и начали с нами переговариваться. Я не в силах изобразить того положения, в каком находилась несчастная чета при сем свидании. Анна Петровна и супруг ее заливались слезами, рыдали и едва могли говорить; глядя на них, и мы все горько плакали; одни лишь дикие были нечувствительны к сему горестному явлению. Она старалась успокоить своего супруга и уверяла нас, что ее

содержат хорошо и обходятся с нею человеколюбиво, что взятые вместе с нею люди живы и находятся теперь при устье реки. Поговорив с нею, мы стали рассуждать с дикими о выкупе и предлагали все прежние вещи и в прибавок одно испорченное ружье, но они стояли на своем и хотели непременно получить четыре ружья, когда же увидели, что мы решительно на их требование ничего не отвечаем, то увезли ее немедленно за реку.

В это время Булыгин, приняв на себя вид начальника, приказывал, чтоб я велел отдать требуемый дикими выкуп, но я ему представил, что у нас осталось только по одному годному ружью на человека, что мы не имеем никаких инструментов для починки оных, и что в ружьях состоит единственное наше спасение, следовательно, лишиться такого значительного числа ружей крайне неблагоприятно; а если взять еще в рассуждение, что эти самые ружья будут тотчас употреблены против нас, то исполнение его приказание совершенно нас погубит, и потому я просил извинить меня, что в сем случае осмеливаюсь его послушаться. Но он, по причинам, ему, без сомнения простительным, не хотел уважить моих доводов, а старался убедить других ласками и обещаниями согласиться на его желание. Тогда я сказал твердо и решительно моим товарищам, что если они согласятся отдать колюжам хотя одно годное ружье, то я им не товарищ и тотчас последую за дикими. На это все до одного человека в голос отвечали, что покуда живы с ружьями ни за что не расстанутся. Мы чувствовали, что отказ сей должен был, как громом, поразить злосчастливое нашего начальника. Но что нам было делать! Жизнь и свобода человеку милее всего на свете, и мы хотели сохранить их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.